

Глава третья

ГОД 1842-й. У КРАЕВСКОГО В УЧЕЬЕ

Резкий тон в письмах Некрасова к Кони и его отъезд в Ярославль летом 1841 года существенно осложнили ход издания «Пантеона» и «Литературной газеты». «Пантеон», который по вине его издателя В. П. Полякова с начала 1841 года выходил с опозданиями, был приостановлен до начала следующего года на пятом номере.

Разумеется, это не могло не отразиться на личных отношениях Некрасова и Кони, которые к середине 1841 года были и без того натянуты.¹ Поэтому предложение Некрасова заключить договор о его постоянном сотрудничестве в редакции «Литературной газеты» было поначалу отклонено в не дошедшем до нас письме Кони от ноября 1841 года.

«Сколько мог я понять,— отвечал Некрасов редактору „Литературной газеты“ 25 ноября 1841 года,— в постоянные сотрудники я Вам не гожусь, а могу писать когда вздумается, то есть, другими словами, отношения мои с Вашей газетой могут быть только такие, как и со всеми другими журналами; написав что-нибудь, я могу посылать в который мне угодно журнал, пожалуй и в „Л<итературную> г<азету>“. <...> В исчислении достоинств Вашего будущего сотрудника Вы намекаете мне, что во мне недостает аккуратности, деятельности, постоянной любви к труду и мало ли еще чего, даже и таланта <...> Согласен со всем. Но спрашиваю, найдете ли Вы человека, который бы имел все такие качества... Не знаю». (Н12, X, 30).

Возвращение Некрасова в Петербург и личная встреча с редактором, по-видимому, несколько улучшили их отношения. Впрочем,

¹ Конфликт Некрасова и Кони подробно проанализирован В. Е. Евгеньевым-Максимовым в первой части его книги «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» (М.: Л., 1947. С. 230—242).

в объявлении редакции о подписке в 1842 году на «Литературную газету»² был дан длинный список сотрудников газеты, в котором Некрасов назван дважды — под собственным именем и под псевдонимом Перепельский.

Приложение «критик» здесь сопровождалось два имени: Арнольд («музыкальный критик») и Белинский. Однако при подведении итогов 1842 года редактору «Литературной газеты» пришлось дать гораздо более краткий список участников издания. В нем сохранились оба имени Некрасова, но ни Белинский, ни И. И. Панаев (его участие также было обещано на 1842 год), ни Арнольд здесь уже не названы.³

В этом году значительную долю журнальной работы Кони взял на себя. Его фамилией или инициалами подписано огромное количество статей в отделе «Театр», фельетонов, очерков в отделе «Науки, художества, искусство». Принадлежность редактору «Литературной газеты» многих статей, напечатанных анонимно, раскрыта в ее оглавлении, приложенном к последнему номеру года. В отделе «Критики» инициалами Кони подписана всего одна рецензия на перевод романа Ч. Диккенса «Оливер Твист» (№ 1).

К настоящему времени выявлены как некрасовские или приписываемые ему с разной степенью убедительности 23 небольшие литературные рецензии 1842 года и 2 театральных обзора. В течение 1842 года в газете напечатан всего один рассказ Некрасова — «В Сардинии» (№ 10 от 8 марта). В 1841 году, в № 8 «Пантеона», вышедшем в свет в 1842 году, как уже говорилось выше, напечатан водевиль Некрасова «Актер». Вот и вся известная нам печатная продукция Некрасова за 1842 год. Почти вся она относится к его первым трем месяцам. По объему это гораздо меньше, чем в 1841-м и даже 1840 годах.

Если учесть, что литературный заработок у Некрасова в это время — основное средство к существованию, то указанное количество публикаций ни в коей мере не соответствует тому минимуму, который мог обеспечить молодому журналисту сносную жизнь.

Объяснение резкого спада журнальной деятельности Некрасова с весны 1842 года находим в его письме к сестре Анне от 9 октября 1842 года, где, жалуясь на безденежье, он говорит: «У меня обыкновенно деньги бывают, когда я работаю, а так как я теперь почти постоянно болен, то работать не могу — следовательно, и ничего не зарабатываю. И это <уж> продолжается целых четыре месяца и не знаю, когда кончится» (Н12, X, 36). В этом же письме Некрасов сообщает, что намерен поступить в ближайшее время на службу в статистическое управление при Министерстве внутренних дел (Н12, X, 37).

Итак, наибольшая активность Некрасова-журналиста в 1842 году падает на первую половину года. Значит, Ф. Кони все-таки с самого

² Литературная газета. 1841. 14 октября. № 116. С. 463—464.

³ Там же. 1842. 20 декабря. № 50. С. 1027.

начала года поручил ему вести критико-библиографический отдел «Литературной газеты».

Разумеется, Некрасов не мог рецензировать абсолютно все новые книги. Издания, требующие специальных знаний, рецензировались знатоками в соответствующих областях науки и культуры. В таких случаях под рецензией выставлялось имя автора или его инициалы. Однако таких случаев в «Литературной газете» 1842 года немного.⁴

Как сотрудник редакции Некрасов наладил связь с книжным магазином И. Т. Лисенкова, из которого получал для рецензирования новые книги. В письме к книгопродавцу от 12 января 1842 года, содержащем очередной запрос книг, Некрасов выступает от имени редакции газеты: «Я и Федор Алексеевич Кони ручаемся, что книги эти через три дня будут возвращены Вам в целости и чистоте, а за то, что Вы нас одолжите ими, — будет *безденежно* объявлено в „Литер. газете“ о продаже их в Вашем магазине» (Н12, X, 33).

Именно благодаря трем сохранившимся запискам Некрасова к Лисенкову от января—февраля 1842 года с названием требуемых для рецензирования книг нам и стали известны некрасовские критические выступления этого периода. Однако фактическое участие Некрасова в «Литературной газете» первых месяцев 1842 года этим, разумеется, не исчерпывается.

Укажу на несколько публикаций того времени, которые несут на себе приметы некрасовской критики и публикации. В № 4 «Литературной газеты» от 25 января 1842 года помещена большая анонимная рецензия на две первые книжки «Репертуар русского и Пантеона всех европейских театров», издаваемого с 1842 года И. П. Песоцким. Основным ее автором был, как это видно из содержания рецензии, сам Кони, болезненно переживавший утрату «Пантеона» и ревниво следивший за новым изданием, образованным путем объединения «Репертуара...» и «Пантеона...», в руках журнального конкурента и соперника бывшего редактора «Пантеона».

Руководитель нового театрального журнала уличался в рецензии «Литературной газеты» в ряде фактических ошибок, в невежестве и редакторской небрежности. Заключительная часть этой рецензии представляет собой полемику — ответ на недоброжелательный отзыв журнала Песоцкого о статье Кони, посвященной актеру И. А. Дмитревскому.

В «Репертуаре и Пантеоне» был выпад и против Некрасова-драматурга. «О водевилях г. Перепельского, — читаем мы в названной

⁴ Рецензия на первый выпуск драматических произведений Шекспира в переводе Н. Х. Кетчера (в № 3) подписана криптонимом «А. Б.»; первая часть Сочинений Платона отрецензирована П. Цитовым (№ 13); под рецензией на «Всеобщий терминологическо-медицинский лексикон...» Л. Гринберга (№ 40) — криптоним «М. Б.».

рецензии „Литературной газеты“,— сказано, что все они, кроме „Шила в мешке не утаишь“, весьма слабы и все переделаны с французского. Тут „Репертуар“ впал в явное противоречие с самим собою. Положим, что водевиль г. Перепельского (хотя все они, кроме „Феоклиста Онуфриевича Боба,“ имели успех на сцене) весьма слабы; но почему же „Репертуар“, как видно из 2 № „Северной пчелы“, печатает один из них („Вот что значит влюбиться в актрису!“) в 12 книжке своей за прошлый год? (которую, сказать мимоходом, он только еще обещает своим подписчикам). Ведь он обещал публике только пиесы хорошие, имеющие литературное достоинство и успех на сцене! Ясно, что „Репертуар“ в жару нерасположения своего к г. Перепельскому как сотруднику „Литературной газеты“ жестоко промахнулся и наложил руку на самого себя.⁵

Вряд ли в данном случае за Некрасова полемику вел Кони.

Одна из ошибок «Репертуара и Пантеона», отмеченных в рецензии «Литературной газеты», состояла в том, что в журнале Песочного содержатель нового Ярославского театра М. Я. Алексеев назван Яковлевым. Это наблюдение принадлежит несомненно Некрасову, который только что вернулся из Ярославля, был там на открытии нового театра и писал об этом статью (см.: ч. II, глава первая).

Рецензия содержит иронический пассаж по поводу грандиозных творческих планов Н. А. Полевого-драматурга, анонсируемых «Репертуаром и Пантеоном», который также скорее принадлежит Некрасову, чем Кони.

В № 10 «Литературной газеты» от 8 марта 1842 года напечатана известная рецензия Некрасова на роман Фан-Дима «Два призрака».

«Не далее как в прошлом номере,— читаем мы в анонимной рецензии на русский перевод романа Кёнига „Жизнь и поэзия Вильяма Шекспира“,— мы говорили о „Двух призраках“, произведении г. Фан-Дима, произведении, замечательном в особенности тем, что автор его выступил на литературное поприще самым странным образом, противоречащим общепринятому обычаю. Каждый новый писатель у нас обыкновенно пробовал сначала свои силы в каком-нибудь журнале и потом уже под его защитой выдавал в свет свое произведение. Г-н Фан-Дим поступил совсем иначе: он не печатал первоначальных своих вдохновений ни в одном журнале, и мы до выхода в свет „Двух призраков“ знали г. Фан-Дима только по весьма скучной и слабой повести его „Александрина“, помещенной в первом томе „Русской беседы“ <...>».

Не успели мы расквитаться с двумя призраками, которые преследовали нас на прошлой неделе, как уже на нынешней

⁵ Литературная газета. 1842. 25 января. № 4. С. 76.

неделе неотступно следует за нами тень величайшего из поэтов мира».⁶

Эта автоотсылка — серьезный аргумент в пользу принадлежности названной рецензии Некрасову, хотя для уверенной атрибуции она не может быть достаточной. Такими отсылками и другими сходными свидетельствами преемственности пронизана вся газета рассматриваемого периода. Так, например, еще за две недели до публикации рецензии Некрасова на роман М. Н. Загоскина «Кузьма Петрович Мирошев» эту рецензию обещал автор фельетона «Литературные новости», предварительная краткая оценка которого также совпадает с оценкой в рецензии Некрасова.⁷

В «Литературной газете» 1842 года есть и рецензии, содержащие стихотворные пародии («Альбом избранных стихотворений, посвященных прекрасному полу»; «Русский патриот»; «Пять стихотворений Н. Ступина»; «Петергофский праздник» И. И. Мятлева). Все они давно уже атрибутированы Некрасову.

Укажу еще на одну стихотворную пародию на стихи Мятлева в «Литературной газете» 1842 года, не отмечавшуюся некрасоведами. Она помещена в краткой юмористической заметке «Вот что пример хороший значит!»:

«Автор „Г-жи Кудрюковой“ И. И. Мятлев настроил лютню свою на лирический тон. Его новейшее стихотворение под названием „Бывало“, напечатанное в „Современнике“, может назваться явлением решительно изумительным в русской литературе. Но хорошие примеры так же заразительны, как и дурные. Пушкин пустил по миру множество подражателей. Г-н Мятлев породил их также немалое число. Один из них довольно удачно подражает маэстру своей школы. Вот стихи его, к нам присланные:

Бывало, бывало,
Весна расцветала,
Душа ликовала,
Синичка певала
И грудь надрывала...
Бывало, бывало!

Бывало, бывало,
Ночь жарко пылала,
С одра покрывало
Долой ниспадало
И спать не мешало...
Бывало, бывало!

⁶ Литературная газета. 1842. 15 марта. № 11. С. 232.

⁷ См.: Там же. 15 февраля. № 7. С. 150.

Бывало, бывало!
 Вдруг холодно стало,
 Хоть два одеяла,
 А все мне их мало,
 Ознобом пробрало...
 Бывало, бывало.

Бывало, бывало!
 Змеиное жало
 Души не пронзало.
 Все, словно зеркало,
 Блистело, сияло!
 Но все то пропало,
 Что делом считало
 Столетия начало.—
 Бывало, бывало!»

Это еще одна пародия Некрасова под маской вымышленного подражателя-эпигона, как и в «Важной новости» 1840 года. Таких пародий, «присланных в редакцию» «неизвестными» корреспондентом «Литературной газеты», и в последующие годы будет немало. Все они, как известно, принадлежат Некрасову. Для примера укажу на его «Послание к соседу» — пародию на стихотворение Н. М. Языкова «М. П. Погодину»,⁸ которая сопровождалась заметкой, очень сходной с заметкой «Вот, что пример хороший значит!». Этим же приемом подачи пародий Некрасов пользуется в фельетонном цикле «Хроника петербургского жителя» (1844) и (вместе с И. И. Панаевым) очень часто в фельетонах *Нового поэта*.

27 ноября 1842 года в петербургском Большом театре состоялась премьера оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила» (автор либретто В. Ф. Ширков, Н. В. Кукольник и др.). Некрасов, очевидно, был на одном из первых представлений этой оперы. В первой главе «Говоруна», относящейся к концу 1842-го — началу 1843 года, устами своего журнального персонажа Белопяткина Некрасов передает впечатление, неслестное как для либреттистов, так и для великого русского композитора:

В душе моей остылаю,
 Лишенную всех сил
 «Русланом и Людмилою»
 Жизнь Глинка разбудил.

⁸ Подробнее об этом см. в главе «Некрасов, Панаев — Новый поэт» моей книги «Некрасов — журналист» (Л., 1989).

Поэма музыкальная
 Исполнена красот,
 Но самое печальное
 Либретто: уши рвет!

(Н15, I, 392)

Это обстоятельство так смутило А. М. Гаркави, автора комментария к «Говоруну» в академическом издании сочинений Некрасова, что он счел необходимым «отмежевать» Некрасова от Белопяткина: «Подобные легковесные суждения о либретто оперы „Руслан и Людмила“, — пишет исследователь, — высказывания о несценичности оперы имели место непосредственно после премьеры <...> Нет основания считать, что Некрасов солидаризировался с этими словами, вложенными в уста Белопяткина, тем более что к февралю 1843 г. (когда появилась глава 1 «Говоруна») передовая публика уже по заслугам оценила гениальную оперу Глинки» (Н15, I, 681).

Все же есть основания думать, что в этом случае «в уста Белопяткина» Некрасов вложил собственное мнение о либретто «Руслана и Людмилы», а линия раскола в мнениях о новом произведении Глинки не совпадала с линией, отделявшей передовую часть интеллигенции от консервативной. В февральской книжке «Отечественных записок» 1842 года была напечатана восторженная оценка оперы В. Ф. Одоевским. Белинский же в письме к В. П. Боткину от 6 марта 1843 года не без раздражения сетовал на репертуар Большого театра: «На горе мое, дают всё балет „Жизель“ да „Руслана“, о котором Одоевский натрёт дичи в „Смеси“ 2 № „Отечественных записок“» (Б, XII, 132).

«Литературная газета» в своем предпоследнем номере 1842 года поместила рядом две большие статьи, посвященные анализу отдельно изданного либретто «Руслана и Людмилы» и самой оперы Глинки. Вторая из них подписана Федором Кони. «Опера М. И. Глинки, — писал Кони, — не имеет общей идеи, а частных много, которые составляют не большое, а глинное сочинение, ибо частности эти почти не имеют положительной связи и составляют цепь музыкальных пьес, из которых отняв звено, два или больше, значения ее не уничтожишь. Стало быть, как оперу в современном ее значении „Руслана и Людмилу“ рассматривать нельзя».⁹

Один из основных недостатков оперы Глинки Кони видел в том, что композитор «выбрал либретто, лишённое всякой тени смысла, что читатели наши усмотрят из разбора его, помещенного в этом номере „Литературной газеты“».¹⁰

⁹ Литературная газета. 1842. 13 декабря. № 49. С. 999—1000.

¹⁰ Там же. С. 1000.

Рецензия на либретто, помещенная непосредственно перед статьей Кони, анонимна.

«Автор оперной поэмы или, как говорят итальянцы, *libretto* есть мученик композитора. Это истина, против которой не может быть возражений,— писал рецензент,— истина, в пользу которой красноречивее всего говорят тысячи бестолковых *libretto*, написанных людьми толковыми и даровитыми. Не всякий знает, до какой степени трудно писать слова для оперы. Поэт, свободный в выборе предмета для своего творчества, не обязанный подчиняться в выполнении своей идеи ничему, кроме личного вкуса и вдохновения, обладающий правом сносить со всех концов обширного царства поэзии красоты в свое произведение,— теряет большую часть своих преимуществ, как скоро берется за перо с намерением писать *libretto*».¹¹

Между прочим, у Некрасова — наиболее вероятного автора этой рецензии — был собственный опыт писания либретто. Осенью 1839 года он работал над либретто для оперы «Испанка», задуманной К. А. Данненбергом.¹² «...Очень жаль,— сетовал рецензент „Литературной газеты“, что даровитый и почти единственный наш композитор М. И. Глинка выбрал для своей новой оперы *libretto*, бесспорно прекрасное по содержанию (заимствованному из сказки Пушкина), но весьма неудовлетворительное по выполнению.»¹³

В пользу авторской принадлежности этой рецензии Некрасову говорит и своеобразный способ стихотворного пародирования, который применяет рецензент. «...Особенно замечательны,— иронизирует он над либретто „Руслана и Людмилы“,— следующие стихи:

Радость
Боги
Ныне
Дали
Нам!

Нет сомнения, что это стихи! В противном случае мы должны допустить, что М. И. Глинка писал свою прекрасную музыку на прозу, что артисты пели прозу, что публика слушала вместо стихов прозу, что *libretto* оперы в прозе, чего по законам оперным и человеческим допустить невозможно... Итак, это стихи, но стихи в новом роде, честь изобретения которого принадлежит автору *libretto*. Впрочем он не исчерпал еще всей глубины своего блистательного открытия; мы сделали в нем важное усовершенствование, которое спешим

¹¹ Литературная газета. 1842. 13 декабря. № 49. С. 995.

¹² См.: Вацуро В. Э., Некрасов и К. А. Данненберг. Русская литература. 1976. № 1. С. 136.

¹³ Литературная газета. 1842. 13 декабря. № 49. С. 996.

опубликовать, покуда нас не предупредили. Мы придумали способ писать стихи еще короче. Возьмем для примера ту же мысль и изложим ее по нашей методе:

Ра
Дость
Бо
Ги
Да
Ли
Нам!

И это стихи!.. Не правда ли?.. Стихи! Конечно, стихи!.. Ну так уж и это, должно быть, стихи:

Р
А
Д
О
С
Т
Ь

Б
О
Г
И и и пр.

Не возражайте! Если это не стихи, то и стихи автора либретто не стихи,— что, как вы сами согласились, противно законам оперным и человеческим!..»¹⁴

Совокупность приведенных данных, по моему мнению, достаточно убедительно свидетельствует о принадлежности рецензии на либретто «Руслана и Людмилы» Некрасову.

В конце февраля 1842 года в конторе «Отечественных записок» и «Литературной газеты» («на Невском проспекте, против Казанского собора, в доме Петропавловской лютеранской церкви») была открыта книжная лавка А.И.Иванова, который стал и управляющим обеих контор. Именно это обстоятельство объясняет прекращение деловой переписки Некрасова с Лисенковым, которая, как уже говорилось, едва ли не единственный документальный источник для реконструкции корпуса критико-библиографических материалов Некрасова 1842 года. И если нам не известны письменные обращения Некрасова

¹⁴ Литературная газета. 1842. 13 декабря. № 49. С. 998.

к Иванову, это вовсе не значит, что авторское участие его в отделе критики «Литературной газеты» с этого времени прекратилось.

Весной 1842 года Кони снова уехал в Москву. На этот раз ответственность за издание газеты была возложена не на Вельсберга, продолжавшего исполнять обязанности корректора «Литературной газеты», а на Некрасова.

В письме к Кони в Москву от 2 апреля 1842 года он сообщал: «Я <...> прилагаю и буду прилагать свои старания относительно „Литературной“ газеты” сколько хватит сил моих. <...> Да вот еще что: у нас уже давно очень не было картинки мод при газете. К Краевскому хожу каждую неделю на совет о составлении номеров „Литер. газеты“...» (Н12, X, 35).

Из этого же письма видно, что Некрасов готовил без Кони и не вышедшие в 1841 году номера «Пантеона». Анализируя это письмо, В. Е. Евгеньев-Максимов пришел, как он пишет, к «неизбежному» выводу: «Краевский, приглашая Некрасова „на совет о составлении номеров“, считался с ним как с журналистом, уже не лишенным некоторой опытности в том, что составляет собственно редакторские функции...»¹⁵

Этот вывод исследователя, очевидно, нуждается в уточнении. Некрасов, по всей вероятности, был уполномочен ответственным редактором газеты Ф. А. Кони выпускать ее самостоятельно. С фактическим владельцем «Литературной газеты» Краевским Некрасов, еще не имевший достаточного опыта редактора, очевидно, испытывал потребность (а может быть, и был обязан) согласовывать подготовленные им еженедельные номера этого издания.

Белинского, не принимавшего в 1842 году прямого участия в «Литературной газете», весьма беспокоило такое положение этого издания. «Нет ли слухов о юноше-Кони? — писал он В. П. Боткину в Москву 20 апреля 1842 года.— Пропал, бессовестно бросив свою дрянную газетишку, которая до его приезда, кажется, и не будет уже издаваться» (Б, XII, 106).

В одном из своих фельетонов под рубрикой «Журнальная всякая всячина» Булгарин вновь намекал на личную редакторскую беспомощность Кони в «Литературной газете», «отголоске» «Отечественных записок», и практическое лидерство в этой газете Некрасова: «Г-н Кони пробовал быть сотрудником в другом журнале, но дело не пошло на лад <...> Что тут делать? Г-н Кони взял к себе в сотрудники известных остроумием драматургов и вояжеров — г. г. Перепельского и Дершау и судит о русской литературе, пишет и печатает, а при таком огромном количестве печатной бумаги,

¹⁵ Голос минувшего. 1915. № 11. С. 39.

какая употребляется для печатания «Отечественных записок», что значат четыре листа в неделю своему спутнику?»¹⁶

«Прилагать свои старания относительно „Литературной газеты“» — это несомненно значит, что Некрасов не ограничивался составлением номеров и советами с Краевским. Надо полагать, что весенне-летние месяцы 1842 года — период наиболее активного авторского участия Некрасова в этом издании. А нам известно лишь участие его в «Обзоре прошедшего театрального года и новостях наступающего» (№ 16 от 26 апреля).

Кроме критико-библиографического отдела в газете этого периода, в котором следует искать еще не выявленные рецензии Некрасова, должна быть внимательно обследована рубрика «Александринский театр», большая часть которой (в № 2, 3, 6, 12, 18, 21, 22, 24, 30, 37, 38, 40, 44, 47) не принадлежит Кони.¹⁷

Следует также учитывать, что именно ко времени с апреля по декабрь 1842 года, когда авторское участие Некрасова в «Литературной газете» почти прекратилось, относится его интенсивная работа над несколькими водевилями. В апреле при участии Некрасова была завершена коллективная работа над водевилем «Похождения Петра Степанова сына Столбикова», а во второй половине этого года были написаны «Материнское благословение», «Кольцо маркизы» и «Волшебное кокорику».

Внимательный читатель, который будет знакомиться с «Литературной газетой» 1842 года, несомненно придет к выводу, что во втором полугодии ее «журнальные» отделы (критика, фельетон) утратили разнообразие и живость, которые придавали газете прежде материалы Некрасова. Кажется, это заметил и Белинский. Именно потому, вероятно, когда Ф. В. Булгарин в № 261 «Северной пчелы» 1842 года в очередной раз посетовал на то, что «Отечественные записки» и «Литературная газета» «в каждой книжке и каждом листе» дружно нападают на него, Белинский поспешил отмежеваться от издания Кони: «Чтоб утешиться в горе, „Северная пчела“ старается уверить публику, что „Отечественные записки“ и „Литературная газета“ — одно издание и г-на Кони называет критиком „Отечественных записок“!.. «К чему все эти проделки? Публика знает, что „Литературная газета“ — совершенно отдельное от „Отечественных записок“ издание, нисколько не зависящее от них в своем направлении и образе мыслей и не имеющее с ним никакой связи; г. Кони никогда не был критиком „Отечественных записок“ и даже никогда не участвовал в этом журнале как сотрудник... Кому это неизвестно и кого, с какой целью хотят уверить в противном?» (Б, VI, 510).

¹⁶ Северная пчела. 1842. 20 ноября. № 261. С. 1643.

¹⁷ Инициалами Кони (Ф. К.) подписаны обзоры «Александринский театр» в № 4, 8, 23, 28, 42, 46 газеты.